

САФИ СІЛЬВЕР

АНТИЗОЛУШКА

ВСЯ ПРАВДА О ЛЮБВИ И ПРИНЦАХ

Лафи Сильвер

антиЗОЛУШКА Вся

правда о любви и принцах

«Автор»

2026

Сильвер Л.

антиЗОЛУШКА Вся правда о любви и принцах / Л. Сильвер —
«Автор», 2026

Я двадцать лет проработала учительницей, а потом сбежала в дом высокой моды — и вместо несчастных детей стала утешать несчастных моделей. Но всё изменилось в ту ночь, когда я утешила очередную «Золушку» и мне на голову рухнула люстра. Вероятно, это была шутка богов, когда вместо загробного мира, я попала в сказочный мир. В тело сводной сестры той самой Золушки. Только вот сказка здесь наизнанку: Золушка — хитрая интриганка, мечтающая не о любви, а о короне. Принц ненавидит балы и бежит на подпольные скачки или на встречи к запрещенным поэтам. А мне придется разруливать весь беспредел, творящийся в королевстве. Вывести Золушку на чистую воду. И постараться не влюбиться в принца, который невероятно хорош собой. Мои козыри: -двадцать лет опыта в разборе детских драм, -год работы в мире высокой моды и низких отношений, -новое стройное тело, которое способно очаровать любого принца.

© Сильвер Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Еще пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лафи Сильвер антиЗОЛУШКА Вся правда о любви и принцах

Пролог

Надо еще в последней комнате прибраться, и можно будет сваливать домой. Я распахнула дверь, щелкнула выключателем – ярко вспыхнула гигантская люстра в форме купидона. И в этот момент я с горечью поняла, что быстрой уборка не будет.

Моему взору предстала скрючившаяся на кресле одна из длинноногих красавиц. Она еще не оделась, видать скинула с себя дизайнерские шмотки после показа, и натянула первую попавшуюся майку.

Вот ведь, ядреная селедка.

Со злости я громыкнула ведром, даже воду расплескала.

— Чего тут делаешь? Брысь на танцы, в клуб или куда вы там бегаете?! – рявкнула я.

И кинулась собирать разбросанные повсюду колготки, трусики, юбки, майки и прочие предметы гардероба. Попутно подбирая еще флакончики с духами, помаду и палетки с тенями.

Все еще надеялась, что красавица вытрет соплю и сама свалит отсюда. Будет искать утешения где-то в другом месте.

Я уже больше года работаю в доме высокой моды Василия Сарделькина. Сбежала из школы, где двадцать лет проработала учителем. Погналась за более легким заработком и спокойствием. Зарботок получила, а вот спокойствие...

Вначале мне казалось, что моей задачей является наведение чистоты. Махала себе тряпками и горя не знала, любовалась на дорогие шмотки, на красивых людей... А потом сдуру кинулась утешать одну из рыдающих моделей, которую бросил кавалер.

Мои утешения ей понравились, нового кавалера она нашла себе через пару дней. И сказала подружкам о моем умении выслушивать и утешать.

А дальше понеслось...

Я решала проблему за проблемой, валявшиеся на хрупкие плечики голодных моделей, чьи мозги страдали от недостатка глюкозы и сами не могли справиться с жизненными трудностями. То их бросили, то подруга подставила, то стилист тупой попался, то волосы сожгла... Приходилось утешать, давать советы. Сарделькин даже приплачивать мне немного начал за то, что я моделей в боевом тонусе держу.

Эта рыдающая красавица уходить не собиралась, явно рассчитывала получить мой совет. Посмотрела на меня жалобно, носом шмыгнула.

Я вздохнула.

— Чего случилось?

— Он меня бросил. — Модель с телом как у богини размазывала слезы и тушь по ангельски прекрасному лицу. — На мисс Созвездие поменял. Козел.

Я похлопала глазами, пытаясь сообразить какой Козел с какой мисс Созвездие.

Постепенно вспомнила про конкурс красоты от парфюмерной, или косметической, или еще от какой-то фирмы. Они выбирали девушку, которая будет «лицом» фирмы. Значит они все же выбрали себе «лицо», и это «лицо» увела кавалера у рыдающей красавицы.

Фух!

— Эх, продолжай! — велела я, отставив ведро со шваброй в сторону. Надежды побыстрее свалить домой растаяли. Впрочем, все равно меня никто не ждет, только телевизор и сериалы.

Модель всхлипнула, подтянула сползшие с плеч бретельки и выдавила сквозь слёзы:

— Он... он говорил, что я — его муза. Что я — единственная. А теперь ходит по инстаграму с этой... этой блестящей куклой! Она даже не умеет толком говорить! Только улыбается, как робот!

Я присела на край кресла рядом, вытащила из кармана фартука пачку бумажных платочков (всегда с собой — после десяти лет в школе знаешь: слёзы приходят внезапно) и протянула ей.

— А ты ему сказала, что он козёл?

— Сказала! — фыркнула она. — Он ответил: «Ты слишком эмоциональная. Мне нужно что-то стабильное».

— О, святая простота! — закатила я глаза. — Стабильное? Он думает, что с новой девицей у него что-то стабильное будет. Да у неё, наверное, брови на клей посажены, чтобы не шевелились от эмоций!

Модель хихикнула сквозь слёзы. Хороший знак, утешение идет на пользу.

— Слушай, — сказала я, — а ты помнишь сказку про Золушку?

Она нахмурилась, припоминая.

— Ну... ту, где девочку мачеха заставляла полы мыть?

— Вот-вот! — кивнула я. — Её все обижали. Сёстры рвали платья, мачеха запрещала из дома выходить, даже на бал не пустили. А она всё равно не сломалась. Мыла полы, но не перестала верить, что достойна большего.

— Ну и что? — вздохнула модель. — У неё же фея была. Волшебная.

— Фея — это метафора, детка, — усмехнулась я. — На самом деле у Золушки было две вещи: чистое сердце и упорство. Она не стала злой, даже когда её унижали. Она жила своей жизнью, даже в пыли, верила в свое будущее счастье. А принц сам пришёл к ней — потому что увидел, какая она эмоциональная.

Модель замолчала. Потом тихо спросила:

— А если я уже не верю, что достойна?

— Тогда начни с малого, — сказала я. — Встань. Умойся. Накрасься так, как тебе хочется. И иди туда, где тебе хорошо. Найди себя настоящую. И ты получишь своего принца.

Она посмотрела на меня — и вдруг улыбнулась.

— Ты... как моя фея, только с тряпкой и ведром.

— Ещё и с варикозом, — буркнула я, поднимаясь. — Но зато без иллюзий.

Она встала, поправила волосы, и вдруг обняла меня.

— Спасибо, тётя...

— Алина, — поправила я. — И не «тётя». Я — Алина. Уборщица, философ и временный психотерапевт.

Модель задумалась, попыталась нахмуриться, но обколотый ботоксом лоб не желал складываться в морщинки.

— А почему у Золушки именно туфельку потеряла? Почему не серьги, не перчатки?

Я усмехнулась, поднимая с пола последний предмет — маленькую, странную туфельку из прозрачного хрусталя, спрятавшуюся под кучей блестящих трусиков. Не знаю, откуда она тут взялась, не помню, чтобы видела ее в коллекции Сарделькина.

— Потому что туфля — это путь, — сказала я, вертя её в руках. — Ты можешь потерять платье, корону, даже имя накладные ресницы... но если у тебя есть туфля — ты можешь идти. А идущий всегда найдет дверь.

Люстра над нами тихо шелкнула, как будто кто-то включил выключатель. Я даже не обратила внимания — Сарделькин экономил на электрике, зато тратил миллионы на ткани, которые «дышат душой».

— Ладно, хватит философии, — сказала я, пряча туфельку в карман фартука. — Иди, пока я не начала требовать оплату в шоколадках.

Модель направилась к двери.

И снова — щёлк. Я посмотрела вверх.

Люстра дрогнула.

— Да ладно тебе, — пробормотала я. — Не хватало ещё, чтобы ты рухнула на мою бедную голову. У меня и так гипертония с гастритом, а тут ещё и черепно-мозговая...

Раздался глухой скрежет, пронзительный визг модели.

Я дернулась, но было поздно.

Цепь лопнула.

Гигантская люстра рухнула вниз.

Я не успела даже закричать. Последнее, что увидела — купидон, протягивающий мне руку... как будто хотел поймать.

И наступила тьма.

Еще пролог

Я попала в какое-то странное пространство.

Булькала где-то между мирами — и почему-то с совершенным спокойствием осознала это. Наверное, после двадцати лет в школе и года в доме Сарделькина у меня выработался иммунитет к абсурду.

Вокруг не было ни пола, ни потолка — только мягкий, переливающийся туман. За которым от меня прятались бесконечные миры. Откуда-то я это знала. Знала, что смогу попасть куда угодно отсюда.

И тут из моего кармана выплыла тувелька, та самая – хрустальная, она полетела сквозь туман, раздвигая его.

В образовавшемся окошке я увидела мир, будто сошедший с обложки старинной сказки: каменные дома с черепичными крышами, узкие улочки, дым из труб, пахнувший яблоками и дровами, и поместье на холме — с башенками, розовыми кустами и высокими окнами.

За одним из окон стояла девушка в пышном старинном платье. С растрепанными волосами и красными от слез глазами.

— За что он так со мной? Почему? Он же любит меня. Он мне клялся...

Опять ревущая на мою голову!

Да, что же такое-то?! То школьники мозги выносили, то модели, а теперь еще какие-то непонятные девицы из иного мира!

Надо сваливать отсюда, пока не поздно.

Я уже хотела как-то переключиться на какой-нибудь другой мир. Увидеть что-то новое, без несчастных и плачущих. Но насторожилась...

В комнату к ревущей вошла другая девушка, тоже милая, тоже блондинка, только в очень скромном платье. Волосы у нее аккуратно собраны в пучок, на голове скромненький чепец. Служанка что ли?

Взгляд у нее был такой кроткий, такой смиренный – как у оболтусов перед кабинетом директора, которые отлично знали, что сейчас надо держать маску приличия. А гадости будут сделаны своим чередом.

В руках вошедшая держала фарфоровую чашку, от которой шел легкий пар.

— Алиана, сестрица моя мила, выпей, — прошептала она чуть хрипловато, будто только что плакала сама.

— Почему же он так поступил? Почему он уехал? — обратилась Алиана к вошедшей девушке.

— Он недостоин тебя, — мягко сказала та. — Он слишком грубый и неотесанный. А ты сестрица, лучше всех на свете.

— Но я же... Мы же...

— Не бойся, матушка ничего не знает о ваших встречах. Я не сказала ничего.

Алиана заплакала еще сильнее.

На лице ее сестрицы появилась гримаса отвращения, которая быстро исчезла.

— Это отвар из лаванды и мелиссы, — она протянула чашку. — Поможет уснуть. Ты так устала, бедная моя. Тебе нужен отдых. Обещаю, завтра все будет иначе. Совсем иначе.

Алиана подняла на неё заплаканные глаза. Доверчиво. Слабо улыбнулась.

— Спасибо, Золушка...

Ничего себе, это меня куда закинуло.

Алиана выпила...

Чашка выпала из её хрупких пальцев.

Она закатила глаза, руки судорожно сжались — и тело обмякло, как тряпичная кукла.

Золушка подхватила её, уложила на кровать, поправила одеяло — с такой нежностью, будто укладывала ребёнка.

— Вот ты и уснула, милая сестрица. Твой женишок уехал далеко, в другое королевство. Я помогла ему уехать. Сказала, что ты бросила его. Мне не нужен лишний свидетель.

Ничего себе тут совсем не такая Золушка. Это монстр какой-то.

— Спи вечным сном. Завтра все будет совсем по-другому. Без тебя в этом мире, все будет намного лучше.

Она погасила свечу и вышла, тихо прикрыв дверь.

В комнате стало темно.

Только луна осветила бледное лицо девушки на постели — и последнюю слезу, катящуюся по щеке.

Я замерла в тумане.

Сердце колотилось, как будто я сама была там, в той комнате.

Золушка с криминальными наклонностями.

Ничего себе, ну и мирок я увидела.

«Ты — единственная, кто может всё исправить», слышался чей-то голос где-то у меня в голове.

И тут я почувствовала пинок судьбы.

В буквальном смысле этого слово, чья-то невидимая, но вполне осязаемая нога, отвесила мне приличный такой пинок в мягкую заднюю часть тела.

Последнее, что я успела подумать, прежде чем туман сомкнулся за моей спиной, — это что невидимая нога судьбы явно носит армейские ботинки. И, похоже, не в первый раз кого-то пинает в другую реальность.

Я полетела вперед.

Полёт был коротким, но насыщенным: мелькнули крыши, розовые кусты, открытое окно... и столкновение.

Не с полом. Не с кроватью.

А с телом.

Точнее — в тело.

Ну за что?!

Глава 1

Очнулась я от холода.

И вовсе не от кондиционера в доме высокой моды Сарделькина.

Я лежала в огромной спальне с высокими потолками, бархатными шторами и зеркалами в позолоченных рамах. В углу — сундук с вырезанными лилиями. На кровати — шелковое покрывало.

В окно солнышко светит.

И тишина.

Полная.

Я села, ощупала голову — ни шишки, ни крови. Только... странное ощущение, будто я не в своём теле.

Ну, разумеется, не в своем меня же в этот красивый домик закинуло. Интересно только, в чье тело я попала, в освободившееся Алианы, или каким-то капризом судьбы меня в Золушку влететь угроздило.

Комнату не признать — та ли это самая, что я видела из тумана, или другая. Ночью-то всё темно было, да и я тогда больше на убийство смотрела, чем на интерьер.

Ладно, надо всего-навсего сделать несколько шагов до ближайшего зеркала.

Я откинула одеяло и с изумлением уставилась на собственные ноги... или не совсем собственные, а ноги моего нового тела. Они были стройные, красивые, без целлюлита и без варикоза.

Ну хоть какие-то бонусы я получила.

И тут дверь распахнулась.

На пороге стояла женщина в черном платье с серебряной вышивкой. Её глаза были красными от слёз.

— Алиана! — выдохнула она, бросаясь ко мне. — Ты жива! Боги милостивы!

Ага, я — Алиана. Это хорошо!

Женщина кинулась обнимать меня. Наверное, это та самая мачеха, которая должна быть очень злой. Только она злой не выглядела, обнимала и тискала меня, говорила как перепугалась.

— Милая матушка, все хорошо, — пробормотала я. И осеклась, не знаю я как эта Алиана со своей матерью разговаривать должна, и какие у них отношения были.

Но вроде моя фраза в тему пришлась, женщина в черном продолжила обнимать и радостно рыдать.

— Жива я и здорова, — ляпнула я.

— Золушка сказала, что заглянула к тебе в комнату, чтобы букет свежих цветов поставить и доброго утра пожелать, а ты бездыханная лежишь, — сказала женщина, чье имя я пока еще не знала.

— Ээээ, да, вроде, дышу.

В этот момент в комнату вошла милая сестрица Золушка в скромном сером платье, с кроткой улыбкой и глазами, полными... чего-то холодного. У нее на лице отразилось непомерное изумление, когда она увидела меня живую.

Она оступилась. На смену удивлению пришла ярость.

Впрочем, она виртуозно тут же трансформировала ее в радостную скромную улыбку.

— Слава небесам, — прошептала она, прижимая ладонь к груди. — Я так молилась за тебя, сестрёнка... Ты в обморок упала, а я так перепугалась. И маменьку нашу любезную перепугала.

Я посмотрела на нее. Значит вот как, сестру отравила, мать напугала, а сейчас пытаешься прикрыться типа обмороком. Интересный крендель.

Но ничего, у меня достаточно опыта, чтобы тебя на чистую воду вывести.

— Да, основательно грохнулась, — заявила я и деловито потерла макушку. — Ничего не помню, что случилось.

Я заметила, что Золушка облегченно выдохнула. Пусть поверит в мою амнезию, так будет легче до истины докопаться. Если сейчас накинусь на нее с обвинениями, она выкрутится сможет, да и я не сумею толком разобраться что тут происходит.

— Золушка, ты же вначале сказала, что застала сестрицу бездыханную. А теперь про обморок говоришь, — сверкнула глазами и мать, и мачеха. — Что-то я совсем ничего не понимаю.

Золушка смиренно опустила глазки. Знакомый прием, так мои двоечники всегда делали, когда им требовалось время какое-то оправдание придумать.

Завралась милая сестрица. Была у тебя готова стройная красивая история, рассчитанная на одну только матушку, а теперь приходится срочно все корректировать с учетом того, что жертва выжила.

— Матушка, прости меня, я не хотела тебя пугать и не сказала тебе ничего, — пропела Золушка, и даже слезу из глаза выдавила. — Вчера вечером, я к сестрице заглянула, спросила не надо ли что-то ей из вещей постирать или заштопать. А сестрица в обморок упала.

— Вчера? — уточнила женщина, моя мать.

— Вчера, милая матушка. Милая сестрица Алиана, помнишь ли ты свой обморок? — продолжила Золушка.

Вот ведь зараза загребушая. Все у нее миленькие, а сама пытается выведать, что жертва помнит. Ладно, поиграем в твою игру.

— Помню, как ты мне помогала, сестрица, — сказала я. — Ты меня спать уложила, одеяльце мне поправила. Больше не помню ничего.

Золушка еще чуть выдохнула. Ей вполне даже нравилась отсутствие памяти, так и злодеяние безнаказанным останется, и дальше можно будет пакости творить.

Эх, милая, чувствуй себя пока в безопасности.

— А утром, когда я к сестрице зашла, мне показалось, что она не дышит. Надо же, какая я глупая. Весь дом переполошила. Простите меня.

Она смиренно опустила голову.

Если честно, хотелось дать ей по шее, которую она так удачно подставила. Но еще не время, пока еще неизвестно, что именно милая сестрица задумала.

— Я не сержусь на тебя, — сказала моя мать, ее мачеха и протянула руку для поцелуя.

— Как можно сердиться на свою сестрицу, — закивала я.

Глава 2

— Пойдемте завтракать, — предложила мать, беря меня под руку. — Ты ведь голодна, моя бедняжка?

— Как волк, — честно призналась я. — После обморока аппетит разыгрывается. Натрескаться хочу от пуза.

Мать с сочувствием на меня посмотрела и приложила руку ко лбу, пытаясь определить нет ли жара у любимого дитятки. А я поняла, что наверное, надо быть все-таки поосторожней с выражениями. А то я и у любимых школьников всяких словечек за двадцать лет нахваталась, и у моделей много чего подцепила из жаргонизмов.

— Все-таки обморок сказался на тебе, милая, — покачала головой мать. — Ты странная стала.

— Угу! Спасибо сестрице Золушке! — брякнула я, и подумав, что эта фраза могла звучать слишком саркастически, добавила. — Ее забота чрезмерная меня быстро на ноги поставила.

Блин, опять саркастично вышло.

Но никого это не смутило.

Золушка лучезарно улыбнулась и скромно опустила голову. Всем своим видом показывая, что готова помогать до бесконечности этому дому и остальной планете.

Вот ведь, ядреная селедка.

— Пойдемте, дочки!

Мы вышли в коридор, я едва успела накинуть халат на ночнушку и бросить взгляд в зеркало. Стройное тело, упругая грудь, подтянутая филейная часть. Лицо миленькое, детально потом поразглядываю. Вроде, с внешностью полный порядок.

Мать чинно с достоинством пошла по коридору, я за ней. Золушка шла позади, напевая что-то тихое и тягучее, про какие-то цветочки, одуванчики с ромашками и свет солнышка.

— Милая сестрица, милая матушка, не мешает ли вам мое пение? — невинно поинтересовалась она. — Я хочу свою вину утреннюю загладить, что напугала вас, и притянуть своей песней хорошее настроение.

Я поняла две вещи. При слове «милая» у меня скоро начнется рвотный рефлекс, и пение мне не просто мешало, а откровенно бесило. Это же завывание плакальщиц какое-то. Или в этом мире все так поют, или сестрица нарочно нашу психику травмирует.

— Лучше бы твое пение помогло женихов вам притянуть, — сказала мать. — Вон две девки на выданье. А свататься никто не спешит.

Золушка постно потупила взгляд и побледнела.

Ага! Надо будет с этим разобраться. У нее уже есть женишок, или же у Алианы был. Что-то с этим нечисто.

— Не хочу никакого жениха, мне лучше всего с вами жить, матушка. Заботиться о вас, полы мыть, на золе спать, — проворковала сестрица, быстро восстановив маску невинности.

— Онкологи не рекомендуют, — хмыкнула я. — Чревато развитием новообразования.

— Опять жар начался, — вздохнула мать.

Столовая оказалась просторной, светлой с высокими окнами, куда беспрепятственно проникали солнечные лучи. Мебель хорошая, но потрепанная. Серебро потускнело. На стене — портрет мужчины в богатом камзоле, с теплым взглядом и руками, испачканными, как у ремесленника.

— Это отец? — спросила я, кивнув на портрет.

Мать замерла.

— Память-то тью-тью... в смысле, после обморока плохо все помню, — поправилась я. — Надеюсь, вы мне поможете все припомнить.

— С радостью помогу, милая сестрица, — пообещала Золушка.

В очередной раз захотелось ее придушить.

— Нет, дочь моя. Это не твой отец. Это Гаспар. Отец Золушки, мой второй супруг.

— А где он теперь? — спросила я.

— Ушёл слишком рано, — тихо сказала она. — Ты была пятилетней крошкой, когда мы с ним обвенчались и переехали в его дом. Я сразу полюбила и его, и его дочку Золушку, твою ровесницу. Боги забрали его через год после свадьбы со мной.

— Вот как, — пробормотала я.

— Он был слишком несдержан во всем. Много ел, много пил, много выражался, — мать вздохнула. — Хороший был человек. Хорошо разбирался в коммерции.

Ага, с этим я согласна, когда человек разбирается в коммерции, то он сразу становится хорошим. Похоже, что мать вышла за него не совсем по любви.

Золушка поставила на стол тарелку с хлебом и мягко вставила:

— Он так мечтал, чтобы мы жили дружно, как одна семья. Поэтому я и стараюсь... чтобы его память была светлой.

— Садись же, Золушка, — сказала мать. — Ты же тоже голодная.

— О, нет, матушка, — Золушка покачала головой, поправляя чепец. — Я уже поела. На кухне сухариками перекусила. Мне и этого хватит. Не хочу вас объедать. А вам нужно восстановить силы после переполоха. Я всё приготовила: яйца, хлеб, мёд... и чай из трав, что вы любите.

Она налила матери чашку. Потом — мне.

Я незаметно понюхала.

— Ты сама готовила все это? — спросила я. Понимая, если хозяйничала Золушка, есть ничего не стоит. Яда у нее должно быть на всех с лихвой хватит.

— Это наша кухарка готовит, — сказала мать. — Золушка из кротости своей вечно ей помогает.

— Ах, матушка, я так хочу быть всем полезной. Так хочу помогать вам во всем. Ваше счастье...

Договорить она не успела. К счастью, честное слово, я больше не могла сдерживаться, глядя на ее лицемерие. Навалила бы ей как следует.

Зазвучали трубы.

Мы бросились к окну, я заметила всадника в оранжевой ливрее, с горном в руках.

— Глашатай, — пробормотала матушка.

— Слушайте-слушайте! — вскричал он. — И не говорите, что не слышали. Король наш, да светит над ним солнце. Задумал женить своего сына принца Валериана и по этому случаю объявляет бал, куда приглашают всех незамужних девушек королевства.

Глава 3

Снова зазвучали трубы — громкие, торжественные, с лёгким перекосом в ноте, будто трубач играл одной ноздрей.

— Глашатай! — крикнула мать в окно, высовываясь так, что серебряная заколка едва не вылетела из причёски. — Подождите! Не уезжайте!

И, подобрав пышные юбки (которые, судя по потёртостям на подоле, сейчас переживали не лучшие времена), она бросилась к лестнице. Я — за ней. Золушка — следом, но так рьяно, что чуть не наступила мне на пятку в попытке проскочить вперёд. Даже свою фирменную «смирненную улыбочку» забыла надеть — глаза горели, как у кошки, увидевшей миску сливок.

Глашатай сидел на тощей лошадке, держа в одной руке горн, в другой — свиток с печатью. В оранжевой ливрее он напоминал перезрелый апельсин на палочке.

— Слушайте-слушайте! — повторил он, заметив нас. — И не говорите, что не слышали. Король наш, да светит над ним солнце, задумал женить своего сына, принца Валериана, и по этому случаю объявляет три великих бала, куда приглашаются все незамужние девицы королевства! Первый — через неделю! Приезжайте во дворец, одевайтесь в лучшее, танцуйте с принцем — и, может, именно вы станете его невестой!

Мать схватила глашатая за рукав:

— Подождите! Скажите, а все ли девицы? Даже... из провинции?

— Все! — гордо ответил глашатай. — Главное — чтобы не замужем. И чтобы титул был!

Таков приказ.

Мать побледнела.

Я — напряглась.

А Золушка... Золушка тихо втянула воздух, будто ей дали пощёчину.

— Благодарю вас, добрый человек, — сказала мать и протянула глашатаю серебряную монету. Тот поклонился и ускакал.

Мы вернулись в дом. В гостиную, просторную, светлую, но уже достаточно покоцанную от длительного безденежного периода.

Обои когда-то были бордовыми, теперь стали бордово-серыми. Кресла обиты бархатом, но на одном — заплатка в виде луны (видать, милая сестрица постаралась). На каминной полке — фарфоровые пастушки, у одной отбит нос, у другой — рука.

Мать опустила в кресло, будто силы покинули её разом. Я присела на край дивана, который печально скрипнул даже под моим нынешним микроскопическим весом.

— Ну что, матушка? — тихо спросила я. — Мы не пройдем отбор? У нас ведь нет титула...

— Есть, — сказала она, подняв на меня глаза. — У тебя есть. Бедное мое дитя, совсем все забыла?

— Кажется большую часть, — я начертила над головой в области левого уха круг, будто там у меня помещалась большая часть мозга, находившаяся в отключке.

Мать глубоко вздохнула.

— Я — Изабелла де Верьер. Ты — леди Алиана де Верьер Последняя наследница рода Верьеров. Да, мы разорились. Да, мое замужество на Гаспаре помогло подправить дела. Но после его смерти снова все стало приходиться в упадок.

Вот оно как. Похоже дражайшая матушка совсем не финансист. Если и сама разорилась, и состояние супруга профукала. Впрочем, не буду спешить с выводами.

Моя милая сестрица сделала печальные глазки, и пустила слезу, когда речь пошла о разорении. Вот оно как!

Тут еще во многом предстоит разобраться.

— А моя милая трудолюбивая сестрица, которая день-деньской пчелкой по дому парит и трудится, тоже титул есть? — спросила я. Не очень-то я смыслю во всех этих делах. После свадьбы ее отца, наш титул перешел к ней или нет?

— Нет, она милая честная девушка, но титула у нее нет, — покачала головой матушка.

Мне показалось, или Золушка в тот момент клыками щелкнула от злости. Но в принципе я ее понимаю и не виню, на бал-то хочется вне зависимости от титула. Тем более если ты молодая и хорошенькая стерва.

— О, матушка, — прошептала она, и в голосе звучало праведное смирение, лицо стало кротким, как у ягненокка... разумеется, если бы у ягнят были лица. — Конечно, балы — не для меня. Я и не мечтала. Я просто дочь торговца. А Алиана — настоящая леди. Ей и быть на балу. Я буду молиться за неё. И шить ей платье. И чистить туфли.

Туфли, значит. Я почему-то вдруг вспомнила, как милые грациозные модели подкладывают друг другу стекла и лезвия в туфельки. Видать для более быстрого шага.

— Ты добрая душа, Золушка, — сказала мать, погладив её по щеке. — Но не забывай: ты — часть этого дома. И я люблю тебя как родную.

— Я знаю, матушка, — прошептала Золушка. — И за это люблю вас вдвойне.

Она вышла, скромно прикрыв дверь.

Как только она скрылась, я повернулась к матери:

— А если я не хочу на бал?

— Ты должна хотеть, — твёрдо сказала Изабелла. — Это шанс вернуть нашему дому былое положение. Если ты станешь женой принца — мы спасены. Если нет...

Она не договорила, но я поняла: мы пойдем по миру. Ничуть не удивлюсь, если наш дом уже заложен, и ростовщики регулярно ходят сюда, пытаясь выбить непогашенные кредиты.

Впрочем, на самом деле на бал мне очень хотелось. Хотелось кружиться в пышном платье, вилять своей стройной и упругой частью тела.

— Пожалуй, я и от принца не откажусь, — пробормотала я. — Главное, чтобы не зануда. И не урод какой-нибудь.

Мать улыбнулась — впервые за всё утро.

— Красавец, каких мало. Неужто и это забыла, у нас же в библиотеке его портрет висит.

— А почему в библиотеке? — удивилась я.

Мать пожала плечами, вероятно, она еще никогда не думала об этом.

Я, разумеется, помчалась в библиотеку.

Глава 4

Портрет принца мне понравился. Великолепный, благородный, глаза умные, прищур коварный, мышцы прокаченные, волосы ухоженные, шмотки дизайнерские.

— Вы только посмотрите на нее, стоит тут на принца пялится! — в библиотеку вошла мать, теперь моя, и всплеснула руками.

— А чего делать-то надо? — удивилась я. — Посуду после завтрака помыть?

Мать ушла в перезагрузку, но к счастью ненадолго. Видать нейроны с дендритами хорошо контактировали в ее мозговой активности.

— Посуду слуги помоют. А тебе надо к балу готовиться. У нас всего неделя.

— В смысле, слуги. А ты Золушку не заставляешь черную работу делать?

На этот раз нервная система матушки получила удар посильней. Она глазами захлопала, рот открыла. Я уж думала придется бежать за нашатырем... ну или хотя бы за нюхательной солью.

— Зачем мне ее заставлять?! Она девушка свободная. Для работы в нашем доме слуги есть. А коли ей самой что-то отмыть захочется, так уж пусть моет. Она вообще-то большой любитель чистоту навести.

— Аааа, — кивнула я.

И тут же мать схватила меня за руку.

— Хватит тут уже время понапрасну тратить. Надо собираться. Платья тебе понашьем. Я куплю у местной ведьмы воду, чтобы кожу отбеливать. Учителя танцев еще надо позвать. Повторим все известные па.

— Повторим? — с тоской переспросила я. Эта Алиана наверняка умела танцевать что-то старинно-средневековое, а вот я в молодости на дискотеке под рок дергалась. Увидев подобные танцы, принц решит, что у меня синдром Святого Витта начался.

— Не глупи, дитя! — сказала она и потащила меня за руку, будто я школьница, опоздавшая на линейку. — У нас всего неделя, а ты всё ещё в халате и с лицом, как будто только что вышла с экзамена по алхимии!

Она ввела меня в свою спальню с широкой кроватью под балдахином, и кучей самых разномастных сундуков. Она направилась к самому огромному из них, вытащила ключ на шнурке из-под платья.

Замок щелкнул, крышка распахнулась.

— Вот! — воскликнула она. — Сокровищница Верьеров!

Я заглянула внутрь.

Там лежали настоящие сокровища. Я заметила диадему с тремя камнями, два из которых присутствовали на месте. Ожерелья из жемчуга, который уже потерял свой былой блеск. Браслет с бриллиантами... все остальное я не успела разглядеть.

— Ну что, начнём? — с восторгом спросила мать и вытащила диадему.

— Матушка, — осторожно сказала я, — если я надену это на бал, принц подумает, что я пришла не за женихом, а за троном.

Она надела мне на голову диадему. Та тут же соскользнула на ухо и уныло повисла.

— Может, жемчуг? — Мать надела мне ожерелье. — Это модно! Все леди носят!

В этот момент в дверь влетела служанка — запыхавшаяся, с выбивающимися прядями и глазами, полными паники.

— Госпожа! — выдохнула она. — Я привела портниху, как вы и велели. С трудом поймала ее. Ту самую, которая шила платье для леди Трент!

— Веди сюда! — скомандовала мать. — И принеси зеркало! Большое! Чтоб до пят видно было!

Через минуту в комнату впорхнула женщина в пёстром платье, с лентами в волосах, иголками за ухом и сантиметром на шее, как ожерелье. За ней, пыхтя и спотыкаясь, втащили двое слуг гигантский сундук с тканями — такой тяжёлый, что у одного из них бровь поползла вверх от напряжения.

— Леди Алиана! — воскликнула портниха, окинув меня профессиональным взглядом, от которого я почувствовала себя манекеном на распродаже. — О, какие формы! Какие линии!

— Эээ... спасибо, — пробормотала я. — Я бы хотела такое платье, чтобы...

Моё желание никому не было интересно.

Мать тут же отодвинула меня в угол, и сама встала перед портнихой.

— Слушай сюда, мастерица! — начала она с пафосом. — Моей дочери нужно три балльных платья.

Портниха кивнула, доставая блокнот из кармана.

— Первое платье для первого бала! — мать загнула палец. — Должно быть скромным, но вызывающим. Как будто она не хочет привлекать внимание... но все равно привлекает. Цвет — лунно-серый. Ткань — Лунный шёлк, чтобы переливалась. Вырез — не глубокий, но с намёком на тайну. Шлейф — короткий, чтобы не споткнуться. И обязательно перья!

— А можно без перьев? — вмешалась я из угла. — Вдруг принц аллергик? А тут такое чудо в перьях вылезет, так он и расчихается.

— Второе платье, — игнорируя меня, мать загнула второй палец. — Это уже демонстрация статуса! Бархат! Цвет — бордовый! Корсет на китовом усе. Вырез — ниже, чем её моральные принципы! И вышивка — золотом.

Портниха быстро записывала, кивая:

— Золотая вышивка... бордовый бархат... талия 40 сантиметров... поняла!

— Третье платье, — мать загнула третий палец так, что хрустнуло. — Это апофеоз! Белое, как невинность... но с красной подкладкой! С легкой накидкой в форме крыльев за спиной. Как у ангела.

Я тихо вздохнула из угла:

— А можно что-нибудь попроще? — спросила я.

Мать с портнихой уставились на меня так, словно только сейчас вспомнили о моем существовании.

— Матушка... а если я просто приду в чём-то удобном? Вроде... платья, в котором можно не задыхаться, не упасть и не ослепить принца блёстками?

— Удобное? — мать посмотрела на меня так, будто я предложила прийти на бал в халате и тапочках. — Дитя моё, на балу удобство никого не интересует, главное произвести впечатление.

И не дав мне вставить ни слова, мать обратилась к портнихе.

— Это у нее после обморока странные идеи появились.

Портниха кивнула и кинулась обмерять меня сантиметром.

— Талия... ох, какая талия! Хотя, конечно, для бала нужно ещё меньше. Корсет затянем так, что вы будете дышать только глазами!

— А если я упаду в обморок? — спросила я.

— Отлично! — воскликнула мать. — Принц подхватит! Это романтично!

— А если он не подхватит?

— Тогда и падать не стоит.

Я заглянула в зеркало.

На меня смотрела девушка в халате, с диадемой на ухе, жемчугом на шее и глазами, полными ужаса. Реально, только перьев и не хватает.

Глава 5

Когда моя матушка со швеей закончили обсуждать наряды, по уровню пафосности вполне достойные самого Василия Сарделькина, наступил глубокий вечер.

Кстати, матушка пыталась и Золушке заказать какое-нибудь платье, но милая... тьфу, и я туда же. Но мерзкая сестрица отказалась, скромно опустив взгляд, и разглядывая собственный башмак, она заявила, что ей больше по статусу носить платья служанок.

— Глупости, — заявила мать. — Я всегда относилась к тебе как к дочери. И не вижу смысла экономить на твоей одежде.

— Матушка так добра, — залилась слезами Золушка. — Если уж вы настаиваете, то закажите мне скромное синее платьице. Чтобы я могла в нем в город выходить. На рынок. За покупками для вас.

— Я постараюсь уговорить короля, чтобы тебе тоже разрешили приехать на бал, — сказала матушка.

— Ах, нет, я недостойна. Мне же надо розовые кусты сажать, дорожки подметать, просо перебирать...

— Что за бред?! — возмутилась матушка.

Портниха сняла мерки с Золушки и обещала сшить требуемое синее платье. Она ушла.

По моим понятиям, следовало ужинать и ложиться спать.

И тут в наш дом явилась следующая напасть в образе ворожеи. Как я поняла, это была местная ведьма, а заодно лекарь и косметолог. Высокая мощная тетка, с огромной бородавкой на носу и пронзительными черными глазами.

Любопытные слуги попытались войти следом за ней, чтобы лично увидеть косметическое колдунство. Особенно усердствовали служанки, пытаясь пролезть к нам.

— А мы уже заждались, — матушка кинулась навстречу ворожее.

Не знаю, когда она успела заждаться, наверное, пока со швеей общалась.

Ворожея отстранила мать, плюхнула на стол корзину, из которой торчали баночки, пузырьки, кисточки, какие-то мешочки и двинулась ко мне.

— Леди Алиана, — сказала она хриплым голосом. — Готова стать такой красивой, что принц забудет своё имя?

— А можно без потери памяти? — спросила я.

Мать тут же вытолкнула всех из комнаты, кроме меня и... конечно же, Золушки, которая «случайно» проходила мимо с корзиной белья. Ей отчего-то на ночь глядя вздумалось постирать белье. Которое, судя по внешнему виду, уже было постирано кем-то из слуг.

Ворожея расстелила на столе чёрную ткань, зажгла три свечи и вытащила первую баночку.

— Это маска из лепестков розы и слёз единорога, — сказала она. — Делает кожу нежной, как у новорождённого. Ляг.

— Куда? — Я перепугалась, что ложиться придется туда же на скатерть.

К счастью, испытуемым... в смысле, украшаемым, позволительно было развалиться в кресле.

Она намазала мне лицо густой розовой массой. Пахло вкусно — как варенье. Я закрыла глаза.

А это совсем даже не так плохо, как мне казалось. Практически не отличается от кабинета косметолога. Мажут тебя всяким, а ты лежи себе и красивой до одурения.

И тут — лёгкое прикосновение.

— Позволь, сестрица, я помогу, — прошептала Золушка и взяла другую кисточку. — У меня руки мягче.

Мне совершенно не хотелось ее попомогательство на своем лице ощущать. Я попыталась сопротивляться. Но, к счастью, ворожея тоже не любила, когда кто-то лезет в ее дела.

— Я сама, — судя по звукам, она отпихнула Золушку своим мощным бедром.

И тут у меня на глаза навернулись слезы. Не знаю, от чего, и кожу стало как-то странно жечь.

— Это еще что?! — возмутилась ворожея.

Она какой-то черной тряпкой стрела с моего лица маску. Кожа пылала, было похоже на аллергическую реакцию.

— Корень мандрагоры! — приняхалась ворожея. — Откуда он? Его не было в моем снадобье!

Ворожея гневно уставилась на Золушку. Та затрепетала, пыталась что-то выдумать, а потом расплакалась — коронный трюк этой лживой девицы.

— Золушка, ты что-то добавила? — удивилась матушка.

— Я хотела как лучше! — пролепетала она. — Я добавила его в снадобье.

— Ты же кожу могла сжечь! — возмутилась ворожея.

— Ой, и уже ничего нельзя исправить! — пуще прежнего разрыдалась Золушка. — И сестрица не сможет поехать на бал!

— Разумеется, можно.

Ворожея нанесла мне на лицо какой-то новый состав, напоминающий светящуюся грязь. Прежде, чем лечебная грязь плюхнулась на мои веки, я успела заметить разочарование на лице сестрицы.

Грязь приятно охладила лицо, кожа перестала пылать. А еще через пару минут я почувствовала, как кожа наполнилась чем-то светящимся. Это что-то типа средневековой мезотерапии.

Через десять минут она сняла маску.

Я открыла глаза. Подскочила к зеркалу.

И офигела.

В зеркале на меня смотрела девушка с кожей, светящейся изнутри. Ни покраснений, ни теней под глазами.

Алиана и так была красавицей, но после этой маски, появилось волшебное сияние. При-знаю, эта маска работает круче, чем филлеры и ботокс вместе взятые.

Мать расплакалась от счастья. Золушка от зависти, но отчаянно пыталась делать вид, что радуется за меня.

— Как же ты красива, сестрица! — прошептала она, подходя ближе. — Прямо ангел!

Ворожея тем временем выложила на стол три баночки:

— Вот. Первая — утром. Настой лунного шалфея и росы с крыльев бабочки. Наносить лёгкими движениями — от подбородка к вискам. Делает кожу свежей, как рассвет. Вторая — вечером. Крем из перетёртых жемчужин и мёда. Убирает усталость. Третья — за час до бала.

— Обладает мгновенным лифтинг эффектом, — догадалась я.

Ворожея только хмыкнула и ничего не ответила. Она завернула баночки в лоскут чёрного бархата и вручила мне.

Когда ворожея ушла, я осталась одна перед зеркалом. То поняла, если хочу сохранить красоту, то баночки ворожеи следует как следует припрятать. Если Золушка доберется до них, то эффект будет непредсказуемый, вплоть до летального.

Глава 6

Мать моя – леди Изабелла де Верьер серьезно подошла к делу. Всю неделю до бала она не давала мне покоя. Если бы этот самый бал состоялся бы через месяц, я бы сбежала из дома в ближайший монастырь, не выдержав ее напора.

Мало того, что меня мазали разными вонючими мазями для красоты. Морили голодом, разумеется, для стройности. Каждый день подгоняли и подшивали платья. О, как в этот момент я пожалела бедных девочек моделей из дома Сарделькина, в жизни которых постоянные переодевания.

Не выдержав, я стянула с кухни кусок копченого мяса, и впилась в него зубами. Это заметила Золушка, которая немедленно доложила о моем поступке и матушке, и всему замку. При этом она, разумеется, говорила, что заботится обо мне.

Ее похвалили, меня поругали.

Да, сестрица наводила пороку в моей жизни.

Мимоходом мне приходилось уворачиваться от различных ее изобретений, которые были созданы с единственной целью – испортить мне жизнь. Она десятки раз пыталась мне что-то подсыпать в питье. Несколько раз совершенно случайно, портила платья. Один раз заперла меня в дальней комнате, якобы ей почудилось, что к нам пробрался вор.

В общем, гадила по мелкому.

А что-то крупное приберегла на потом.

Причем было совершенно непонятно, чего же она хочет. Было бы логично предположить, что она пытается тоже попасть на бал. Но нет, все увещевания матушки, о том, что она выбьет приглашение и для нее тоже, Золушка упорно игнорировала. Плакала и говорила, что она недостойна такой чести.

Но сильнее всего в эти дни мне портила жизнь все же не милейшая гадюка Золушка, а леди Тарантула де Ланкра. Это бывшая фрейлина королевы, ныне репетиторка по светскому поведению. Для тех, кто еще никогда не был на балу, и не хотел бы там опростоволоситься.

Вообще-то до знакомства с ней я считала, что умею вести себя.

Как же я ошибалась!

Она приехала в карете, запряженной двумя черными жеребцами. На ней было строгое платье черного цвета, перчатки до локтя (несмотря на то, что было утро и +22°C), и шляпка с пером. Разумеется, ее прическа была идеальна, носовой платок белый, спина прямая.

Матушка вышла встречать ее на улицу, и стоило той показаться из кареты, как матушка изобразила самый элегантный реверанс, который я когда либо видела.

— Неплохо, — пожала губы Тарантула. — Где это недоразумение, которое я должна буду превратить в леди?

Я насчитала пять педагогических ошибок, которые совершила эта леди. А вот она, разглядывая меня, вероятно, насчитала около сотни ошибок во внешности, поведении и вообще во мне. Во всяком случае, именно об этом говорил ее взгляд.

Мы прошли в зал.

— Ну, леди Алиана! — недовольно покачала головой Тарантула. — Готовы ли вы к величайшему испытанию вашей жизни? К правильному реверансу.

— А можно сначала кофе? — предложила я. Уж если эта Тарантула забраковала идеальный реверанс матери, то мои жалкие попытки вызовут у нее икоту.

— Кофе? — Леди Тарантула посмотрела на меня так, будто я предложила пить воду из лужи. — Милочка, сейчас не время для кофе.

Я не поняла, почему она считала это время неподходящим для кофе, но спрашивать не рискнула.

— Где Золушка? — спросила мать. — Она тоже будет учиться.

Золушка, как по заказу, появилась в дверях с подносом, на котором стояли три чашки чая и тарелка с печеньем в форме сердечек.

— О, нет, матушка, — прошептала она. — Я ведь не поеду на бал... И не хочу мешать моей милой сестрице. Но если вы позволите, я постою в углу и полюбуюсь на свою сестрицу.

Леди Тарантула милостиво махнула рукой:

— Пусть стоит.

И началось. Спина так, живот этак, руки не туда, ноги не оттуда, сама не такая.

— Нет! — кричала она, тыча мне в спину тростью. — Вы — леди! Вы — изгиб! Вы — волна!

Я попыталась изогнуться. Получилось как-то по-змеиному.

— Не так! Вы — лилия на ветру!

— А если ветер сильный? — не удержалась я.

Мать сверкнула глазами. Я послушно закрыла рот и попыталась стать лилией. Не думаю, что у меня получилось, скорее я была похожа на какую-то раскоряку.

— Реверанс! — с придыханием сказала Тарантула. — Легкий наклон, изящная шея, одна нога чуть сгибается, легкий присед, юбка раскрывается, как цветок.

Я попробовала. Юбка раскрылась, как парашют. Я чуть не упала.

— Ужас! — взвыла леди Тарантула. — Вы кланялись так, будто просите милостыню у повара!

Золушка в углу тихо хихикнула. Я бросила на неё взгляд, от которого у обычной девушки волосы бы встали дыбом. У неё — только чепец чуть съехал.

Я делала реверансы до посинения. Ноги, шею, поясницу вытягивала во все стороны, старалась делать скромный взгляд. Пыталась правильно дышать, мои ресницы трепетали.

А дальше – хуже, мы стали отрабатывать танцевальные движения. Хотя я и стала гордой обладательницей тела Алианы, но вот мой мозг совершенно не понимал всех этих па, разворотов, пируэтов.

Тарантула ругалась на чем свет стоит, мать ужасалась, как это ее доченька все позабыла.

К концу недели я все же выучила танцевальные движения, более-менее сносно научилась делать реверанс. Выучила как пользоваться столовыми приборами. И стала обладательницей трех новых платьев.

Вечером накануне первого бала я ложилась спать в радостном волнении. Меня радовала, что закончились ежедневные пытки от Тарантулы, и волновала предстоящая встреча с принцем.

А Золушку тоже что-то волновало, я видела ночью ее блуждающую возле дома. Наверное, следовало спуститься и узнать, что она задумала в очередной раз. Но я слишком устала от уроков Тарантулы, и погрузилась в глубокий сон.

Глава 7

С наступившим рассветом запели не птицы, а моя мать, верней, мать Алианы, чье тело я унаследовала.

— Алиана! Вставай! Сегодня бал!

Я открыла один глаз. Второй долго отказывался сотрудничать — после вчерашних па, пируэтов и реверансов с поклонами, он желал дергаться, но не работать как положено.

В комнату ворвалась целая армия: мать, портниха, ворожея, три служанки и даже повар, который, похоже, просто хотел посмотреть, как леди раздевается. Повара матушка тут же вытолкнула прочь. А противная Золушка пару раз попыталась зазвать его обратно.

— Мы начинаем! — объявила мать. — Сначала ванна!

Вода была тёплой, ароматной и... мерцающей.

— Это настой лепестков лунной розы, — пояснила ворожея, подсыпая в воду что-то, что тут же засветилось мягким синим светом. — После неё кожа будет не просто чистой, она будет сияющей.

Из школьной программы по химии помню, что хорошо светится фосфор, и еще парочка опасных для организма соединений. Надеюсь, что добрая ворожея и в самом деле собрала цветочки, которые растут в этом сказочном королевстве. А не нахимичила что-то из неорганики.

Купание прошло легко, и безопасно. Всех желающих лицезреть меня в ванной, матушка прогнала прочь. Так что я смогла расслабиться и немного помечтать о прекрасном принце, с которым увижусь уже через несколько часов.

Меня, закутанную в полотенце, посадили в кресло и приглашенная мастерица принялась сооружать нечто грандиозное на моей голове.

Мои волосы заплели в сложную конструкцию, напоминающую не то корону, не то гнездо орла, в которое кто-то вплел жемчуг и серебряные нити. По счастью матушка все же обладала хорошим вкусом, и приказала перестроить данную композицию, на более легкие локоны.

Я чуть не расплакалась от счастья. Ходить с башней на голове я бы не смогла.

Потом пришла очередь макияжа.

Ворожея нанесла на мои веки пудру из перетертых крыльев бабочек-ночниц, на губы — бальзам из меда и росы, собранной в полночь... В смысле, она такими красивыми словами объясняла, что входит в состав ее косметики, а вот что там было на самом деле, я не знала. Надеялась на лучшее.

Наконец, настал черёд платья. А вот тут все вышло не совсем просто. Накануне вечером, Золушка заявила, что сошьет за одну ночь мне новое платье для бала. Слуги умилились, матушка вздохнула, а я перекрестилась.

— Портниха уже сшила все платья мне... и тебе тоже примерно пять штук досталось, — припомнила я. Хитрая Золушка сумела выцыганить себе почти полное обновление гардероба, пока крутилась вокруг портнихи и заверяла, что не хочет вообще ничего.

— Милая сестрица, но мне так хочется сделать тебе что-то приятное.

Хочешь сделать приятное, исчезни.

— Отдохни, милая сестрица, ты и так постоянно трудишься, как пчелка, — проворковала я.

Но так просто ее было не остановить. Она села за работу, и пока я утром принимала ванну, она притащила тот ужас, который сшила. Зеленое платье, более напоминало балдахин, или чехол для кочерыжки.

Мне пришлось благодарить ее самыми изысканными словами, и заверять, что я недостойна такой красоты.

А после я надела прекрасное серебряное платье, из переливающейся ткани. Корсет был настолько узким, что я поняла: дышать я буду только глазами, как и предсказывала портниха.

— Оно идеально, — сказала мать, затягивая шнуровку.

— Благодарю, маменька, — кажется, это были мои последние слова. Дальше говорить, я уже не смогу.

Тихонько утянула ножницы, чтобы в случае полного ахтунга, я смогла перерезать эту шнуровку, и пару раз вдохнуть.

Когда я наконец была готова, все замерли. В зеркале отражалась леди Алиана де Верьер, наследница древнего рода, обладательница талии 40 см и взгляда, способного заставить принца забыть своё имя.

Снарядили меня на славу.

Про себя матушка тоже не забыла. Она надела новое изящное бордовое платье, и сделала устрашающе высокую причёску.

— О, сестрица! О, матушка! — воскликнула Золушка, прижимая ладони к щекам. — Вы так прекрасны!

Мать подошла к Золушке и положила ей руку на плечо.

— Милая, я всё ещё надеюсь выбить для тебя приглашение. Может, король сделает исключение...

— О, матушка! — Золушка опустила глаза, и по щеке скатилась одна-единственная слеза. — Не тратьте силы. У меня столько дел: розы полить, серебро отполировать, кота накормить...

— У нас нет кота, — заметила я.

— Будет! — быстро сказала она. — А потом еще всю посуду надо перемыть, натереть полы, дров на месяц наколоть, кофе на год намолотить, посадить...

— Среди цветов сорок розовых кустов, и пока не подрастут, подметать дорожки тут, — не удержалась я.

— Сестрица, ты так жестока, — всхлипнула Золушка. — Это же я и за год не управлюсь. Мышей не успею наловить, и тыкву нужного размера разыскать...

— Каких мышей? — не поняла мать.

Золушка захлопала глазками. А я поняла, что сегодня на балу можно ждать сюрприз.

— Так это, я же говорю, кота надо завести, — нашлась Золушка.

Карета уже ждала у подъезда. С гербом Верьеров на дверцах и четверкой великолепных гнедых коней.

Слуги помогли мне сесть — осторожно, чтобы не помять шлейф и не сломать причёску. Мать устроилась напротив, и взяла меня за руку.

Карета тронулась.

И в последний момент, когда ворота уже закрывались, я обернулась.

Золушка стояла на крыльце и противно улыбалась.

Глава 8

Дворец сверкал. Огни свечей в окнах мерцали и переливались.

Если бы не корсет, начисто блокирующий движения диафрагмы, я бы вздохнула от восхищения. Люди не верьте сказкам, на деле все гораздо красивей.

У ворот нас встретил главный церемониймейстер — господин в парике и лиловой ливрее, вышитой золотыми нитками.

— Леди Изабелла де Верьер и леди Алиана де Верьер! — провозгласил он так громко, что воробьи с крыши сорвались в панике. — Последние наследницы древнего рода! Добро пожаловать на бал.

Мать гордо кивнула.

— Как только вы попадете в помещение, вам следует встать в очередь представителей благородных родов. Эта очередь ведет к трону. Когда назовут ваши имена, вы должны будете приблизиться, сделать реверанс, и отойти в сторону.

Мы поднялись по бесконечной лестнице наверх, вошли через парадные двери и... и встали в очередь, словно в булочной моего родного мира. Только тут никто не пытался пролезть вперед, не кричал «Нарезной свежий, или с плесенью, как давеча?»

Наследницы благородных родов, вместе со своими матерями или отцами. Стояли ровно, смотрели гордо, пытались лишний раз продемонстрировать драгоценности, которыми были увешаны с ног до головы.

— Будешь делать реверанс, постарайся привлечь внимание принца к своей груди, — тихо шепнула мне мать.

— А когда будем отходить от трона, постараться привлечь внимание к своему заду? — задала я вполне логичный вопрос.

Мать треснула меня веером по руке.

— И старайся молчать, — попросила она. — Ты после своего обморока такую околесицу несешь.

— А если принц меня о чем-нибудь спросит?

— Тогда отвечу я. А ты улыбайся, и показывай белоснежные зубы.

— Зубы и грудь показывать, зад прятать?

И я получила еще один удар веером.

Очередь двигалась неспешно. Каждая леди, проходя мимо трона, делала реверанс такой изысканный, что я начала подозревать: они все прошли курсы у леди Тарантулы.

Король благосклонно кивал, королева милостиво поднимала левую руку. А принц...

Когда я увидела его, то не поверила своим глазам, что где-то на белом свете встречаются такие красавчики. Пожалуй, он бы мог стать «лицом» дома самого Сарделькина. Принц был безупречен. Безупречно одет, безупречно, улыбался, на его безупречном теле был надет безупречный камзол.

И еще, он легким поклоном встречал каждую невесту, и говорил: «прелестно!». Чем очень напоминал ворону из мультика.

Но все девушки были очарованы, ничуть не смущаясь, что каждой из них досталось по одинаковому «прелестно».

Когда мы подошли чуть ближе, и перед нами насчитывалось всего три невесты, я заметила, что принц откровенно скучает. Ему, вероятно, приелись балы и красавицы, которых перед ним выставляли в безумных количествах.

— Следующие! — провозгласил церемониймейстер. — Леди Изабелла де Верьер и леди Алиана де Верьер!

Мать сжала мою руку. Мы шагнули вперед.

Сердце колотилось, корсет сдавливал рёбра.

Мы остановились перед троном.

Король сидел, как будто его приклеили: величаво, но с профессионально вежливым лицом. Королева улыбалась, взглядом пытаясь просканировать возможную будущую невестку.

А принц Валериан вообще смотрел куда-то в пространство, кажется, особо даже не замечая, кто именно сейчас приблизился к трону. Как только мы совершили реверанс, его рот начал автоматически открываться, чтобы выдать очередное «прелестно». И тут к нему подлетела муха, которых вообще-то на балах быть не должно.

Принц начал тихонько отмахиваться, стараясь не привлекать внимания, но муха оказалась наглой, села прямо ему на нос. Валериан со всей силы стукнул себя по носу, и тихонько взвыл от боли.

Да, как и у прочих красавчиков с интеллектом у него не очень-то хорошо.

— Прелестно! — сказала я во весь голос.

Принц возмущенно посмотрел на меня.

Церемониймейстер шикнул, чтобы мы уже отходили и не задерживали других, страждущих поздороваться с королевской семьей. Мне пришлось повернуться к принцу задом.

Мы с маменькой отступили от трона, смешались с толпой гостей. Прошествовали мимо столиков с закусками, и встали в углу.

— Все прошло неплохо, — заявила она. — Ты удачно привлекла внимание принца. Теперь стой рядом со мной, я скажу, что делать дальше.

Вот такой вариант меня совершенно не устраивал. У меня по планам было свалить в сторону, и попробовать ослабить несносный корсет, мешавший дышать. Пришлось час терпеливо топтаться на одном месте. Пока наконец...

— Леди Тарантула. — Я заметила в толпе недавнюю мучительницу. — Надо с ней поздороваться.

— Я сама, ты стой здесь, — велела маменька.

Как только она отошла, я помчалась прочь. Надо-то всего-навсего найти какой-нибудь тихий уголок, или комнату.

Мои лёгкие кричали. Диафрагма подала в отставку.

Нужна комната. Любая. Даже кладовка для метёлок подойдет.

Мне улыбнулась удача. Я заметила неприметную дверцу, явно не предназначенную для пышных гостей. Влетела туда.

Бинго!

Это была кладовая для посуды. Небольшая комнатка заставленная деревянными шкафами с различными кубками, тарелками, подносами.

Сюда никто кроме слуг не заходит. А значит, маменька точно не сунется.

Я попыталась дотянуться до шнуровки на спине. Пальцы скользили. Ножницы, которые я припрятала в складках юбки, оказались слишком тупыми... или слишком тупой была я, что никак не могла перерезать этот несчастный шнурок.

Я тянулась, извивалась, чуть не упала на хрустальные кубки.

Дверь тихо открылась.

Я не обернулась — должно быть, это какая-нибудь служанка, она меня точно не выдаст и даже сможет помочь.

— Пожалуйста, просто ослабьте шнуровку на пару сантиметров! — взмолилась я.

Тишина. Потом — лёгкий шорох ткани. И чьи-то уверенные пальцы коснулись шнуровки на моей спине.

Я замерла. Пара минут и шнуровка ослабла.

Я вдохнула, наслаждаясь воздухом, и объемом легких, которые наконец-то смогли расправиться.

— Благодарю! — выдохнула я, поворачиваясь. — Вы спасли мне жизнь!
И замолчала.
Передо мной стоял принц Валериан.

Глава 9

— Вы?! — выдохнула я, отступая на шаг и чуть не сбив со стеллажа серебряный поднос.

— К вашим услугам, — спокойно ответил принц, складывая руки на груди.

И тут я впервые по-настоящему разглядела его. Волосы, еще недавно идеально уложенные утром, теперь выбивались прядью надо лбом. А в глазах... в глазах плясали озорные искорки, совсем не королевские, а скорее... бунтарские.

— Уже услужили, — хмыкнула я. — И часто вы расстёгиваете корсеты незнакомым леди в кладовой для посуды?

— А вы часто просите незнакомцев расстегнуть вам корсет в кладовой для посуды? — парировал он, приподняв бровь.

А он не так глуп, как показалось изначально. И похоже, что совсем не скучен.

— Доверяю расстегивать корсет только тем, кто сможет сказать «прелестно» пятьдесят раз подряд, — ляпнула я.

— Пятьдесят семь? — сказал Валериан, и в его голосе прозвучала усталая ирония. — Я считал. Сегодня мои родители пригласили ровно пятьдесят семь невест.

Принц фыркнул — и тут же прикрыл рот.

— Прелестно! — не удержалась я, хихикнув. — Вам не чужды эмоциональные всплески! А то мне показалось, что вы всегда ходите с такой миной, будто проглотили лимон... и ещё его кожуру, и косточки.

Он рассмеялся по-настоящему: с хрипотцой. Его смех вырвался вдруг, чуть сорванный, с легким надрывом, будто он давно не позволял себе хохотать от всей души.

— Леди Алиана, — сказал он, всё ещё улыбаясь, — с принцами не принято разговаривать в таком тоне. Вы нарушаете сразу пять правил придворного этикета.

— Перечислите, я запишу, — отмахнулась я. — А то этикетология у меня хромает на две ноги и один хвост.

Он прищурился.

— Правило первое: не прятаться в служебных помещениях. Это нарушает иерархию пространства. Дамы должны прятаться в молельнях. Принцы — в оружейных комнатах. А кладовая для посуды — это святыня слуг.

— Простите, ваше высочество, — саркастично присела я в полу-реверансе. — Но вам тоже не следовало здесь появляться, иерархия, знаете ли, она для всех.

— Принцам дозволено несколько большее, чем обычным смертным, — парировал он. — Ваши ответы настолько дерзкие, что я сомневаюсь, собираетесь ли вы выходить за меня замуж.

— А ваши вопросы настолько ироничны, что я сомневаюсь, что вы хотите на мне жениться, — ответила я.

Валериан зажмурил глаза, уголки его губ дернулись вверх. Словно смех снова распирает его, и все усилия уходили на то, чтобы сдержаться.

Когда он открыл глаза, в них всё ещё плясали те самые бунтарские искорки.

— У вас, леди Алиана, — сказал он, всё ещё смеясь сквозь слова, — язык острее, чем у всех пятидесяти семи невест вместе взятых.

— Это комплимент?

— Это приговор. — Он сделал шаг ближе. — Никогда не думал, что девушка может позволить себе так общаться с принцем. Любая из невест, сейчас бы томно вздыхала и спрашивала, люблю ли я закаты.

— А вы бы ответили: «Прелестно».

— С точностью до слова.

Мы оба замолчали.

Мое мнение о принце сильно переменялось. У него острый, как лезвие ум и бунтарские наклонности. Он вовсе не скучающий дурачок, которым почему-то хочет казаться.

И в этот самый момент трубы затрубили.

Но не просто затрубили.

Они взвыли. Нота была настолько ужасной, что даже хрусталь на полках задрожал, а серебряный поднос, который я чуть не сбила, теперь сам звякнул в унисон.

Потом до нас донесся грохот, будто карета врезалась в ворота, а за ней вывалилась целая тыква с лошадьми.

Мы переглянулись.

— Это не по сценарию, — прошептал Валериан.

— Значит, кто-то его переписал, — ответила я.

Мы выскочили из кладовой.

В главном зале воцарился хаос. Гости взволнованно переговариваясь толпились у дверей. Были слышны отдельные возгласы, о какой-то сумасшедшей карете, сбившей лакея у входа, и протаранившей стену дворца.

А церемониймейстер, дрожа всем париком, провозгласил:

— Внимание! Внимание! Прибыла безымянная принцесса из дальних земель! Встречайте же!

И в зал вплыла она.

В платье синего цвета, с шлейфом, который, кажется, тянулся до самой границы королевства. Волосы уложены в безумную причёску.

А на лице легкая вуаль. Ну, типа, узнать ее совершенно невозможно!

Глава 10

Шлейф длинный-предлинный тянулся далеко... а потом застрял в двери, и двое лакеев кинулись его вытаскивать. Но оба не отличались ловкостью, и в итоге шлейф был порван примерно пополам.

— Остолопы! — взвизгнула Золушка. — Будете мне стоимость платья возвращать. Я лично скажу об этом королю.

Лакеи в ужасе принялись просить прощения, Золушка хмыкнув пошла в центр зала. Походка у нее была отрепетирована – два шага, томный вздох, два шага, поворот головы налево, два шага, поворот головы направо.

— Кто это? — спросил Валериан.

— Моя сводная сестрица, Золушка. Только она не хочет, чтобы ее узнавали, — шепнула я.

— Я бы тоже не хотел ее узнавать, — покачал головой Валериан.

В один из поворотов головы Золушка увидела Валериана. Глаза у нее заискрились – цель обнаружена. Она развернулась и направилась в нашу сторону уже прямой походкой. Меня она, разумеется, тоже узнала, но делала вид, что мы не знакомы.

Ох, заигралась милая сестрица!

Принц, поняв, что новая гостья направляется прямо к нему, тут же попытался ретироваться. Но не успел, Золушка оказалась проворней. Она ускорила шаг, и выскочила прямо перед ним.

Прижала ладони к груди и прошептала так громко, что услышали все:

— О, ваше высочество! Как же я мечтала... о вашем... взгляде!

Принц моргнул и вежливо спросил:

— Простите, мы знакомы?

— О, нет! — воскликнула она, делая шаг ближе и чуть не наступив ему на ногу. — Но я слышала, что вы собрали сюда всех красавиц. И тоже решила приехать.

— Прелестно! — Принц хмыкнул.

Золушка явно была в восторге от такого комплимента.

— Кто же вы, милая принцесса? — не удержавшись, спросила я. — Отчего же вы прячете свое лицо?

— Мои злые враги могут узнать меня и навредить мне, — пропела Золушка.

— Неужели ваши враги осмелились явиться сюда? — спросила я.

— О, да! — она испуганно отшатнулась, и, чтобы справиться с испугом, схватилась за грудь принца. — Вы должны меня защитить.

Жаль, что я не могла рассмеяться в полный голос. Такой прекрасный маскарад не каждый день увидишь.

Валериан понял, что слинять не получится, и накинул на себя маску хладнокровия, прямо как во время процедуры знакомства.

— Примите мои заверения, что тут вы находитесь под самой надежной защитой, — сказал он и попытался отцепить пальцы Золушки от своего камзола.

Не вышло!

— Я верю только в вашу силу, — пропела Золушка.

Принц глубоко вздохнул. Потом обвёл взглядом зал — и увидел своих родителей. Они только что вошли и королева-мать старательно стала делать знаки, чтобы он не тормозил и пригласил эту славную девушку на танец.

Я ее понимаю, издали Золушка выглядит очень даже обворожительно.

Да и задача у короля с королевой была форсировать события, чтобы не остаться без внуков и наследников.

Принц закрыл глаза. Потом, с видом человека, идущего на казнь, протянул руку Золушке.

— Леди... не соизволите ли вы... потанцевать?

Золушка взвизгнула от восторга.

— О, да! Вы меня уговорили! — И, не дожидаясь музыки протянула руки в каком-то замысловатом движении.

— Ну что ж, ваше высочество, удачи, — шепнула я на ухо Валериану.

Бросив на меня тоскливый взгляд, он вместе с Золушкой вышел вперед.

Музыка заиграла, пары закружились в танце.

С первых же шагов стало ясно: что если Золушка училась танцевать упражняясь с метлой и тряпкой, то она ошиблась в выборе учителей. Она навалилась на принца и принялась извиваться, как угорь в сиропе.

— О, ваше высочество! — прошептала она, запрокидывая голову. — Какой у вас... камзол!

— Благодарю, — сухо ответил принц, пытаясь сделать шаг вперёд. — Вы не могли бы... немного... двигаться в такт?

— Я танцую сердцем! — объявила она. — А сердце не знает такта!

И тут она резко развернулась, увлекая за собой принца... и наступила ему на ногу.

— Простите! — всплеснула она руками. — Это не я! Это пол! Он слишком скользкий.

Принц стиснул зубы. Я видела, как по его виску прыгнула жилка.

— Всё в порядке, леди, — сказал он, стараясь не хромать. — У меня крепкие ноги.

Повинуясь закону танца, они сместились к центру зала, и я больше не могла слышать их разговор. Жаль, давно так не смеялась. У меня даже слезы на глаза навернулись.

— Поздно реветь, ты его упустила, — рядом со мной материализовалась мать. — Ты же почти зацепила его, но он сорвался с крючка.

— Меня обошла эта неизвестная принцесса, — со смехом ответила я.

— Да, эта незнакомка очень хороша, — кивнула мать.

— Неужели ты ее не узнала? — удивилась я.

— Разумеется нет, — совершенно серьезно ответила мать. — Я хорошо ее рассмотрела. Мы с ней не знакомы.

Я пожала плечами, или это какая-то магия, или мать надо показать лучшему офтальмологу королевства.

Глава 11

Танец Золушки и принца подходил к захватывающей кульминации. Я с немалым удовольствием наблюдала за развитием событий. Жаль, то тут не давали попкорн, а лишь бегал лакей с прохладительными напитками.

Ладно, я подхватила вишневый лимонад и замерла в ожидании.

И они не разочаровали меня, после всех примочек, когда ноги принца были сплошь были покрыты синяками от изящных хрустальных туфелек, заиграли последние аккорды.

В этот момент Золушка попыталась совершить какой-то немислимый пируэт, а вместо этого уцепилась шпилькой за шлейф другой приглашенной дамы. И обе начали медленно, но неотвратимо тянуть друг друга в разные стороны.

— Отвяжитесь! — прошипела другая дама, пытаясь сохранить достоинство, и мило улыбаться принцу.

— Сама отвяжись! — всхлипнула Золушка. — Прицепилась тут.

И она тоже стала мило улыбаться принцу.

Валериан, пытаясь разнять их, случайно наступил на шлейф сам — и запутался в нём, как в паутине.

В этот момент музыка внезапно оборвалась.

Все замерли.

Король с королевой зааплодировали. Может даже решили — сын определился с выбором. А его обреченный взгляд истолковали, как легкую растерянность перед объектом своей любви.

Король кивнул церемониймейстеру, и тот провозгласил:

— Приглашаем наших гостей отведать мороженое с сюрпризом. На дне одной из вазочек лежит хрустальный шарик. Та девушка, которой он достанется, получит поцелуй от принца.

Валериан, который наконец-то сумел выпутаться из шлейфа, внезапно побледнел. Очевидно, любимые родители забыли предупредить его о сюрпризе.

Ну, держись, очаровательный принц!

Девушки бросились в соседний зал, где раздавали мороженое с сюрпризами. Золушка неслась первой, звонко цокая хрустальными шпильками. А Валериан предпринял отчаянную попытку сбежать, но был остановлен собственной матушкой.

К сожалению, я не слышала, что она говорила, но вероятно там были довольно резкие высказывания. Валериан бледнел все сильнее и сильнее.

— Иди же скорей, — мать моя отняла у меня пустой бокал, и схватив за руку, потащила следом за прочими невестами. — Ты должна выиграть.

— Толку-то, — хмыкнула я. — Подумаешь, поцелуй...

— Не говори глупости, это знак внимания. Тебя заметят король с королевой. И принц сразу влюбится в тебя.

— От одного поцелуя?

— Да. Это таинство любви.

Я не стала ничего отвечать. Или в этом мире любовь идет по своим законам, или у матери слишком устаревшие взгляды на поцелуи.

Мы вошли в мороженный зал... не знаю, как он назывался на самом деле. Большой пышный зал с хрустальной люстрой, большими окнами и огромным столом с мороженым. Невесты старательно стучали ложками, заглатывали холодные куски, пытаясь не пропустить заветный шарик.

Не успела я подойти к столику, где раздавали данное лакомство, как мне навстречу выпорхнула Золушка.

— Вот, угощайтесь, — она протянула мне вазочку с мороженым. — Я решила позаботиться о вас.

Мне стало дурно.

— Очень мило, но я и сама могу взять свою порцию. И вообще у вас тут шоколадное, а я фисташковое люблю с банановой крошкой.

Мать дернула меня за руку.

— Почему ты так грубо разговариваешь с заграничной принцессой? — возмутилась мать и ткнула меня под ребра. Если бы принц любезно не ослабил мой корсет, я бы могла не пережить этот удар. — Возьми у нее мороженое.

Выхода не было, второй такой тычок я не выдержу.

Я взяла вазочку, которую так старательно подсовывала мне Золушка. Интересный пердуюмонокль! Угощения от милой сестрицы не всегда бывают безопасными.

Мать, не знаю почему, не узнавала Золушку и принялась мило с ней общаться на темы погоды и цен на овечью шерсть. А я, помешивая ложечкой мороженое, отошла к окну.

Выглянула.

Внизу стояла карета, по форме напоминающая тыкву, возле нее две серые лошадки с мышиными мордами.

Улучшив момент, я выкинула мороженое, оно шлепнулось прямо возле одной из лошадей. Та не раздумывая, принялась слизывать лакомство с земли. Через минуту она заржала истошным голосом и превратилась в мышь. Мышь позеленела и задержалась в конвульсиях.

Нормальное угощение! Ну, а чего еще ожидать от милой сестрицы?!

— Ну как? — Ко мне подскочила Золушка. И уставилась в ожидании того, что я позеленею и забьюсь в конвульсиях.

— Увы, но там нет хрустального шарика.

Золушка быстро отмахнулась и принялась осматривать меня со всех сторон, в поисках хоть какого-то вреда от подмешанного яда.

— Даже горло не заболело? — Золушка была крайне расстроена.

— Нет, только пятка зачесалась, — вздохнула я. И сдержалась, чтобы не добавить, как этой пятке захотелось пнуть чей-то зад в синем платье.

— Все скажу ведьме-крестной, — буркнула Золушка.

— Что простите? — удивилась мать.

И я удивилась... но быстро пришла в себя. Это в нормальной сказке должна быть фея, а тут именно ведьмовскими шутками пахнет.

— Ничего, — смутилась Золушка. — Я хотела сказать, что хрустальный шарик достался мне.

Она гордо подняла над головой этот самый шарик.

Не знаю, он ей достался при помощи колдовства, или это был честный выигрыш. Честность моей сестрицы — вещь весьма сомнительная.

— Он мой! — провозгласила Золушка. — Я честно выиграла поцелуй.

В зале раздалось восторженные аханья, завистливые всхлипы и фальшивые улыбки.

Глава 12

Церемониймейстер, расправив парик, торжественно возгласил:

— По древнему обычаю, принц Валериан обязан воздать почести победительнице! А именно поцелуй!

Все головы повернулись к принцу.

Тот стоял у колонны, бледный, как недожаренный пирожок. Мне показалось, что он пытается слиться с этой самой колонной на манер ниндзя, и каким-то чудом его никто не заметит.

— Ваше высочество? — мягко, но настойчиво позвала королева. — Не заставляйте ждать вас.

— Да, сынок, — добавил король, поправляя корону. — Это же таинство любви.

Валериану никакого таинства не хотелось. Он глубоко вздохнул, будто прощаясь с последними остатками свободы, и медленно направился к Золушке.

Та, уже слегка запрокинула голову, приоткрыла губы и прижала ладонь к сердцу так, что чуть не вывихнула себе палец.

— О, ваше высочество! — пропела она, следя за приближающимся принцем. — Я так трепещу от счастья! Это как во сне.

Я поняла, принца надо спасать. Трепещущая Золушка — та еще напасть.

Быстро огляделась. Слуги таскают пустые вазочки от мороженого, от них толку мало. А вот лакей с подносом, полным прохладительных напитков очень надо пригодится.

Идея вспыхнула.

Я шагнула вперёд, и с громким «ой!» врезалась в лакея.

— Простите! — воскликнула я, хватаясь за поднос. — Полы такие скользкие.

«Случайно» надавила на край. Поднос накренился, я поддала по нему рукой. Бокалы зазвенели, взлетая. И — всё содержимое вылилось прямо на голову несчастному принцу.

Он стоял посреди зала мокрый и... в его голове зарождалась идея собственного спасения от предстоящего таинства.

— Продолжим! — потребовала Золушка.

— Ни в коей мере, — покачал головой принц, тщательно скрывая радостную улыбку под маской благородного сожаления.. — Это же неуважение, целоваться в таком мокром виде.

— Вы обязаны! — топнула ногой Золушка.

— В мокром виде никак нельзя! — принялся отступать принц.

Понимая, что судьбоносного поцелуя не будет, Золушка в ярости схватила первую попавшуюся вазочку с мороженым и швырнула в меня.

— Это всё твоя вина! Ты отвлекла принца!

Вазочка просвистела мимо моего уха (спасибо, инстинктам выживания, отработанным за долгие годы учительства) и угодила прямо в огромную хрустальную люстру. Бросок у сестрицы что надо! Странно, что ее в баскетбол не отдали.

Люстра закачалась. Потом — с треском оборвалась.

И рухнула прямо на стол с мороженым.

Бах!

Холодные брызги, осколки хрусталя, крики, паника — всё смешалось в один великолепный хаос. А мне в руки вдруг откуда-то упал хрустальный шарик. Я поспешно запихала его в карман.

Значит, у Золушки все же был фальшивый! Настоящий то ли с люстры свалился, из запущенной в меня вазочки. То ли вылетел из всеобщего хаоса.

Все бросились врассыпную. Король и королева прижались к стене. Лакеи метались, пытались собрать осколки. А Золушка, в панике полезла под стол. Надеюсь, что она перепугалась, а не планировала оттуда запустить очередную гадость.

И в этот момент Валериан схватил меня за руку и поспешно шепнул:

— За мной должок, — выскочил из зала, чтобы переодеться и... и уже не возвращаться.

Через каких-то полчаса порядок был восстановлен.

Испуганных гостей отпаивали лимонадами. Несчастную Золушку утешали всякими дополнительными призами королевского производства...

Король, видимо, чувствуя вину за то, что его сын сбежал, подошёл к ней с величавым видом и поцеловал... в лоб.

— Вот, дитя, — сказал он, — королевский поцелуй! Он даже лучше принцевского.

Мне очень хотелось узнать, что ответит Золушка, но я не узнала, меня пребольно схватила за локоть женщина, которая родила мен... эээ почти меня, которая родила Алиану..

— Алиана! — воскликнула мать. — Ты где была?!

— Здесь.

— Нам пора уезжать. Принц слег с мигренью. Танцы отменяются.

— Весьма печально, — выдохнула я. Невероятно радуясь, что мои кульбиты с подносом она не заметила, а то пришлось бы слушать нотации до второго нашествия гоблинов...

— Но зато второй бал состоится уже очень скоро. Там-то уже я постараюсь, чтобы ты ничего не упустила. И танец с принцем, и тихое свидание в беседке.

— Какое свидание?

— Пока еще не знаю, но я обязательно что-нибудь придумаю, чтобы оставить вас наедине.

Благодарно я промолчала о том, что вообще-то мы уже были наедине в кладовке с посудой.

Карету нам подали молниеносно. Мы отъехали от дворца, и матушка достала конверт с золотой тесемкой.

— А это для Золушки, — сказала она.

— Чего там?

— Приглашение на следующий бал, — мать была невероятно горда собой. — Я успела пошептать с королевой и выбила для нее приглашение. Сказала, что Золушка мне как дочь...

Интересно, как Золушка будет отбиваться от этого приглашения.

Карета неслась через темный лес.

Деревья с обеих сторон стояли стройными рядами, фонарей в этом мире не было.

Мать, всё ещё в восторге от своего дипломатического успеха, приглаживала платье и рассказывала подробности своего общения с королевой.

Неожиданно карета качнулась и остановилась.

Занавески взметнулись.

И из кустов выскочили четверо разбойников в потрёпанных плащах, с повязками на лицах.

Глава 13

Из кустов выскочили четверо разбойников в потрёпанных плащах, с повязками на лицах.

Э-ээ, вроде, такое не по сценарию. Ни в одной из сказок про Золушку на ее мачеху разбойники не нападали... Кстати, а не Золушка ли подстроила это нападение. От нее любой гадости ожидать можно. Чисто технически, она не могла успеть договориться с разбойниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.